

УДК 821.161.1.09"18"

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА СТАРЫГИНА

доктор филологических наук, профессор, проректор по учебно-методической работе Марийского государственного технического университета

starygina@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК ВЕРУЮЩИЙ:**АВТОР И ПЕРСОНАЖИ В ЦИКЛЕ Н. С. ЛЕСКОВА «РАССКАЗЫ КСТАТИ»**

Вопросы религиозности и веры человека постоянно были в поле зрения Н. С. Лескова. Об этом свидетельствует его публицистика 1880–1886 годов и цикл «Рассказы кстати». Понимание веры писателем не расходится с христианско-богословским толкованием. Изображая человека верующего, Лесков подключается к христианской духовной и эстетической традиции.

Ключевые слова: изображение верующего человека, вера, публицистика, христианская символика, автор

ВЕРА КАК ХРИСТИАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Вера, надежда, любовь – главные христианские добродетели¹ [10]. Вера, с православной точки зрения, «есть уверенность в невидимом, как бы в видимом... есть добродетель (а вместе и обязанность), так как она есть свободное признание существования невидимого Бога и истинности всего сообщенного нам в Откровении» [10; Стлб. 584]. Основанием веры является некая таинственная связь души с Богом, проявление которой – любовь к Богу. Вера естественно происходит из сердца человека и «касается всех сил души, она происходит из глубины нашего существа, приводит в движение ум, волю и чувство... есть энергическое, горячее и полное, не требующее искусственных логических доказательств, убеждение в истинности Того, в ком мы живем и движемся и есмы» [10; Стлб. 585], она определяет «все мысли и все действия человеческие» и направляет их «на Бога и божественные предметы» [10; Стлб. 586]. От веры зависят судьба и спасение человека. Верующий человек

переживает чувства «послушания Богу», благодарение Богу и смирение: верующий человек смиренно признает истину [7; 42].

Вера очищается и укрепляется «изучением откровенного Слова» [10; Стлб. 549] и «научным исследованием истин веры», а также «различными, как печальными, так и радостными, судьбами» [10; Стлб. 585, 586]. Вместе с тем «вера становится крепче познания», когда христианин все более «укрепляется в нравственной жизни» и «очищает свое сердце» [10; Стлб. 586].

Современные светские определения веры также подчеркивают естественное «происхождение» и «нерассуждающее» переживание веры человеком: «Вера – признание чего-либо истинным, несомненным, без испытания, без поиска логических или фактических доказательств. ...Вера в Бога – отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существе Бога; безусловное признание истин, открытых Богом людям. Может сочетаться с любовью к ближнему, благожелательностью, альтруизмом, самоотверженностью. Типичная реакция – сочувствие, доверие, уваже-

ние, доброжелательство; реже – подозрение в ханжестве, ненависть (у атеистов)» [6; 57].

Вера является основанием религии, которая представляет собой «организованное поклонение высшим силам», основанное на вере, то есть «религиозном настроении, выражающемся в определенной системе культа и системе представлений о божественном». «Религия не только представляет собой веру в существование высших сил, но устанавливает особые отношения к этим силам: она есть, следовательно, известная деятельность воли, направленная к этим силам: наряду с теоретической деятельностью ума и с аффектом чувства существует и практическая деятельность, выражающаяся в культе, без которого религия остается односторонне субъективной» [12; Т. 2, 462]. При определенных условиях «вера становится религией, т. е. организующей и организованной верой человеческого общества» [12; Т. 2, 463].

Таким образом, слово «вера» «может указывать или на душевный акт, на то, как мы веруем... или на содержание этого акта, на то, во что мы веруем... иногда даже на богословские формулы, в которые облекается это содержание» [12; Т. 1, 353], на содержание и характер религиозных переживаний, на религиозный опыт человека и общества.

ВОПРОСЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ВЕРЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЛЕСКОВА (1880–1886 годы)²

Систематизация публицистических выступлений Лескова указанного периода дает основание утверждать, что в его миропонимании сложилась достаточно четкая картина *религиозного опыта* российского общества середины и второй половины XIX века.

Лесков выделяет религиозный опыт высшего, образованного сословия, который можно обозначить как философско-религиозные искания его представителей. Это подтверждают статьи о лорде Редстоке и его последователях, о Толстом и толстовцах³, русских католиках и протестантах. Религиозные искания при этом присущи не только представителям «великосветских кружков», но и представителям духовенства, как высшего, так и низшего, среднего дворянства, разночинства и даже «простонародья».

Например, в «Автобиографической заметке» (1882–1885) Лесков характеризует отца: «...не хотел надеть рясы, к которой всегда чувствовал неодолимое отвращение, хотя был человек хорошо богословски образованный и истинно религиозный» [3; 8]; «ездил в церковь редко и не исполнял никаких обрядов, кроме исповеди и святого причастия, о котором я, однако, знал, что он думал. Кажется, что он “творил сие в его (Христа) воспоминание”. Ко всем прочим обрядам он относился с нетерпеливостью и, умирая, завещал “не служить по нему панихид”. Вообще

он не верил в адвокатуру ни живых, ни умерших и при желании матери ездить на поклонение чудотворным иконам и мощам относился ко всему этому пренебрежительно. Чудес не любил и разговоры о них считал пустыми и вредными, но подолгу маливался ночью перед греческого письма иконою Спаса Нерукотворенного и, гуляя, любил петь: “Помощник и покровитель” и “Волною морскою”. Он несомненно был верующий и христианин, но если бы его взять по экзаменовывать по катехизису Филарета, то едва ли можно было его признать православным, и он, я думаю, этого бы не испугался и не стал бы оспаривать» [3; 11].

Для писателя важнейшим в его оценке «ищущих» истину людей был критерий искренности их веры, независимо от того, какую религию они исповедуют. Он подчеркивает, что его отец был «несомненно... верующий и христианин». Юлию Денисовну Засецкую он характеризует как «даже набожную христианку, но только не православную. И переход из православия в протестантизм она сделала, как Достоевский правильно понимал, потому, что была искренна и не могла сносить в себе никакой фальши» [3; 148].

Разграничивая писателей-современников по их мировоззрению («учениям») [3; 155]: «Достоевский был православист, Тургенев – гуманист, Л. Толстой – моралист и христианин-практик» [3; 156], Лесков убежден в искренности – от сердца – их исканий.

Особенно часто Лесков пишет о «живом чувстве» и искренности веры Толстого: «Чего его нахваливать? Его надо *внушать* в том, где он говорит дело, а не расхваливать, как выводного коня. С ним и вокруг него ведь много нового. Это живой и необычайно искренний человек. Дух его не “горит” (что любил Аксаков даже в письме к Кокореву о денежных делах), а этот “летит, как вержение камня”, уже “склоняющегося к земле”» ([3; 327], письмо А. С. Суворину 24 января 1887 года), «...поверьте, он искренен и стоит на верной мужичьей дорожке к целям “Алексия – человека божия”» ([3; 337], письмо А. С. Суворину 11 марта 1887 года), «христианские идеалы которого прелестны, чисты и, как сам он где-то признался, – освященные глубоким душевным страданием, доходившим у него “до разделения души с телом”» (1883) [9; 127].

Искренне верующим людям Лесков противопоставляет тех, кто «или совсем охладели к религии и живут без всякой веры, ибо им *так удобнее*» [7; 85].

Размышляя о вере, Лесков не мог обойти стороной вопроса об обрядовой стороне религии. Пример «совпадения» искренней веры и признания «правильности», а также необходимости обряда он видит в расколе: «“Раскол не на политике висит, а на вере и привычке” – таково было убеждение покойного Мельникова, так и я убежден...» ([3; 36], «Народники и расколоведы на службе (Nota bene к воспоминаниям П. С. Усова о

П. И. Мельникове)». 1883). Вместе с тем писатель подмечает и тот факт, что внешняя, обрядовая сторона религии становится своего рода силой, заслоняющей от наблюдателя собственно веру человека, например, о своей матери он говорит, не сомневаясь в том, что она верующий человек, но и отмечая как будто отсутствие в ее религиозности проявлений «живого чувства»: «Матушка была тоже религиозна, но чисто церковным образом, – она читала дома акафисты и каждое первое число служила молебны...» [3; 11]. Во многом именно эти и подобные наблюдения над жизнью воцерковленного человека (каковым сам Лесков был до начала 1880-х годов), возможно, определили отношение Лескова к «церковному христианству», а также и «совпадение» с Л. Н. Толстым в непризнании официальной церкви и догматического богословия (см. об этом: [7; 353]) в начале 1880-х годов.

Несомненно, что непосредственную и искреннюю, «сердечную» и неискусенную веру в Бога Лесков признает все-таки в *детях* и в простом *народе*.

Ребенок естественен в своей вере, поскольку не искушен научным познанием истин веры, не испытан судьбой. «Религиозность во мне была с детства, и притом довольно счастливая, то есть такая, какая рано начала во мне мирить веру с рассудком» [3; 11]. О внимании Лескова к вопросам «детской» веры свидетельствуют его публицистические выступления, посвященные проблемам детского чтения, а также его рецензии на учебные и детские книги, написанные во время службы членом Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения с 1874 по 1883 год (см. об этом: [11; 57–72]). Например, рецензируя книгу «Чтение для детей пастора Тодда» (перевел с английского протоиерей Евгений Попов. СПб., 1875), писатель ценит в авторе умение и талант беседовать с детьми «о самых важных вопросах духовной природы законов христианской религии, оставаясь постоянно на высоте богословского мирозерцания» [10; 69]. Лесков особо подчеркивает, что детскому возрасту «обыкновенно вменяется в обязанность принимать готовые положения без рассуждений» [10; 69], книга же пастора Тодда «исполнена желанием растолковать юному читателю: во что, судя здраво, нельзя не верить» [11; 69]. Именно в этом ее «душеполезное» значение. Другую книгу – «Притчи из природы» Готти (СПб., 1872) – Лесков ценит за «умный и добрый совет иметь веру, воздержанность, уважать познание, довольствоваться своим положением и средствами, терпеть, надеяться и смотреть на смерть не с отчаянием, а с упованием, что за ней начнется новая жизнь» [11; 70].

Именуя веру простолюдина в 1886 году «детской верой» [7; 102], Лесков подчеркивал не только ее «силу и свежесть», но и ее непосредственность, искренность, простодушие, неискусенность, естественность, органичность. Ранее,

в 1873 году, писатель уже выразил свое понимание своеобразия народной веры: «О русском человеке хлопчут, а русского человека не знают. Тут, видите, вера *прирожденная*, и живет она у человека по-домашнему, за пазушкой: вот он и с пророком побеседовал, и во “славу Божию” поел, и во имя той же “славы” спать пошел. Он где не оступится, все Бога прославляет, а Бог сам сказал, что Он прославит прославляющих Его. Вот они и явились оба в одной цепи и, так сказать, в круговой друг за друга поруке» [4; 166–167], полностью совпадающее с православно-христианским пониманием явления веры человека.

О неискусенности верующего простолюдина Лесков писал в 1879 году: «Простолюдину что ни почитать “от божества”, – все хорошо, – ему даже иногда чем непонятнее, тем интереснее. Это такой фокус русской набожности, которого чужому человеку не понять» (<Листок> // Новое время. 1879. 12 апреля. См.: [7; 184]). А эпиграф к «Лучшему богомольцу» (1886) указывает на понимание писателем того, какую силу дает простому человеку его вера: «Целый век трудиться – / Нищим умереть, – / Вот где надобно учиться / Верить и терпеть» (Неточная цитата из стихотворения И. С. Никитина «Ночлег в деревне»).

В статье «Ошибки и погрешности в суждениях о гр. Л. Толстом» (1886) Лесков вводит понятие «русское простонародное религиозное чувство» [6; 96], расшифровывая его как «именно *вкус*, или родственное настроение русских благочестивых натур» [7; 96]. (Благочестивый человек, с точки зрения христианина, обладает истинной святой верой и исполняет в жизни требования этой веры [10; Стлб. 341–342].) Так вот, вкус – «родственное тяготение русского благочестия» [7; 96] к Алексею – человеку Божию и Филарету Милостивому, поскольку они «*руководствуют*», им следуют, «очень горячо их любят» «и по этому вкусу сердца влекутся в подражание им» [7; 96].

В статье «Новые типы захудалой знати» (1880) Лесков противопоставляет «новых ратаев веры», «политических веровальщиков» и разных «спасителей верою» [7; 189] из «великосветского круга» и «русского простолюдина», имея в виду критерий искренности религиозных чувств: если первые «шествовали» путем лжи и обмана, то последний шел «простым путем народным, так как чувствовал искреннее призвание “удалиться от мира”» [7; 186]. Писатель называет «ханжливых Спиридонов-поворотов» «разрушителями» православной веры народа: они «стали подтачивать эту веру посредством толкований в особом духе» [7; 189].

Для Лескова «область набожного чувства русского народа» [7; 199], «дух народной веры» не имеют ничего общего с «какой-то религиозной забавой – фребелевским садом в религиозном тоне» [7; 201] представителей как русской «захудалой знати», так и великосветских «мистиков», что «профанируют веру, которая должна осветить каждый шаг жизни человека, а не за-

бить ему намороки схоластическими тонкостями, без которых очень можно быть добрым христианином» [7; 201]. Именно народной верою, считает писатель в 1880 году, «Русь связана в цельный *единоверный* народ, имеющий не только племенную, но и религиозную связь с большинством славян...» [7; 189].

ПОНЯТИЕ «ВЕРА» В ТОЛКОВАНИИ ЛЕСКОВА

В публицистическом лексиконе писателя присутствуют разнообразные выражения, указывающие на религиозное сознание и религиозное переживание человека: «русская набожность» [7; 184, 189, 193, 199, 202], «религиозные сомнения», «образцы твердой веры», «поприще веры», «охранение веры и благочестия», «благочестие и набожность», «набожное чувство», «религиозное настроение», «религиозность», «дух народной веры», «область набожного чувства русского народа», «религиозное состояние человека» и др.⁴

Писатель не дает определения понятию «вера», однако очевидно, что он разграничивает в религиозности человека сферы рационального и эмоционального, разумного и сердечного (душевного) восприятия Бога. Причем особое внимание он уделяет явлению «набожного чувства», «религиозного настроения». Это можно подтвердить многочисленными высказываниями писателя, который более всего ценит в людях «черты живого человеколюбия и участливости» и призывает их жить, «сохраняя душу свою хотя бы в некотором опрятстве» ([3; 285], письмо С. Н. Шубинскому 20 августа 1883 года). Писатель убежден: «У каждого человека есть сердце, есть *живое чувство*. <...> Я говорю со *стороны сердца*, со стороны чувства, доступных и понятных всем и каждому...» (1886. О рожне. Увет сынам противления [9; 140]). Сердце верующего человека проявляет себя, прежде всего, в любви и добротеделании, милосердии и сострадании, и это важнее всего, по мнению Лескова: «Время гнусное, но тем теснее надо добрым людям стоять друг возле друга и поддерживать друг в друге веру в человека» ([3; 285], письмо С. Н. Шубинскому 20 августа 1883 года), «Разве мало свидетельств, как одно слово, один взгляд, один трепет сострадательного сердца изменяли всего человека, “очищая его до дна” и укрепляя его на все доброе» (1886. О рожне. Увет сынам противления [9; 138]).

Лесков и о себе в 1884 году пишет как о верующем человеке: «...нести на виду до могилы тот светоч разума, который дан мне Тем, перед очами Которого я себя чувствую и непреложно верю, что я от Него пришел и к Нему опять уйду. ...Я верую так, как говорю, и этой верою жив я и крепок во всех утеснениях. Из этого я не уступлю никому и ничего, – и лгать не стану и дурное назову дурным кому угодно. ...Мне жить остается немного, и я желаю дожить дни мои, делая, что могу, и не мирясь с

“соблазнительями смысла”. У меня есть свои святыне люди, которые пробудили во мне сознание человеческого родства со всем миром» ([3; 301], письмо А. С. Суворину. 1884 год).

Таким образом, лесковское понимание веры не расходится с христианско-богословским толкованием: вера есть естественное свойство человеческой души, органически проистекающее из сердца человека, проявляющееся в искренней и не требующей логического (научного) обоснования убежденности в истинности Бога и Его Слова. При этом писатель в 1880-е годы различает верующего и воцерковленного человека (они могут «не совпадать»), а также уважает искренне верующих людей других конфессий, хотя и не разделяет их религиозные воззрения (пример с Ю. Д. Засецкой). Для него верующие люди – «люди христианского настроения» [3; 109].

«РАССКАЗЫ КСТАТИ»: ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ВЕРУЮЩЕГО

Интерес Лескова к вопросам религии и веры верующему человеку очевиден. Естественно, он не мог не проявиться в его художественных произведениях. Создавая характеры своих героев, писатель исходил из мысли, которая прозвучала в эпиграфе к статье «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» (1883): «Характер человека господствует даже в вере, поэтому могут быть два рода религии: одна – религия любви, другая – религия ужаса» [9; 111]. «Духовное содержание» человека, его «духовное восхождение», «духовная красота» (Жития как литературный источник (1882) [9; 38]) становятся главным предметом изображения в художественных текстах: «У меня есть наблюдательность и, может быть, есть некоторая способность анализировать чувства и побуждения, но у меня *мало фантазии*. Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждаюсь в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплощать их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие» ([3; 229]. Авторское признание. Открытое письмо П. К. Щербальскому. 1884).

В сборнике-цикле «Рассказы кстати» (1886) («Совместители», «Старинные психопаты», «Интересные мужчины», «Таинственные предвестия») этот интерес писателя к вопросам веры и религии сочетается с интересом к современности: «Я люблю вопросы живые и напоминания характерные, веские и поучительные. Терпеть не могу писать вещей, относящихся к разряду: “ни то ни сё”. Что интересно, весело, приправлено во вкус и имеет смысл, – то и хорошо...» ([4; 352], письмо С. Н. Шубинскому 3 октября 1887 года).

Верующим человеком изображен в рассказе «Старинные психопаты» Степан Иванович Вишневецкий. В создании образа этого героя просматриваются две тенденции: 1) создать образ

героя, соответствующего общему названию планируемого, вероятно, Лесковым цикла «Старинные психопаты» (психопат – психически, душевно ненормальная личность) и представлению автора-повествователя о специфике «малороссийских» преданий, «в которых более грандиозного, наивного и, как мне кажется, преувеличенного, но во всяком случае весьма своеобразного»⁵ [5; 281]; 2) показать «непосредственность... характеров» [5; 283] подобных личностей, на что настраивает эпиграф к «Эпопее о Вишневском и его сродниках»: «Вот вам помещик благодатный, // Из непосредственных натур. *И. Тургенев*». И та, и другая тенденция реализуется в изображении персонажа как верующего человека.

Характерно, что писатель как бы отграничивает Вишневского от всего, что находится за пределами естественной и органичной для человека веры: «В вопросах веры (здесь: религии. – *Н. С.*) он был невежда круглый (“катехизису не обучався”. – *Н. С.* [5; 296]) и ни в критику, ни в философию религиозных вопросов не пускался, находя, что “се діло поповское”, а как “лицарь” он только ограждал и отстаивал “свою веру” от всех “иноверных” и в этом пункте смотрел на дело взглядом народным, почитая “христианами” одних православных, а всех прочих, так называемых “инославных” христиан – считал “недоверками”, а евреев и “всю остальную сволочь” – *поганцами*» [5; 296].

Содержание «крещеной веры» Вишневского воплощалось в «религиозном культе» [5; 298] «святителей» Николая-угодника и «святого Юрко» [5; 297]: «По вере же великорусские дела подлежали заботам чудотворца Николая как покровителя России, а дела южнорусские находили себе защиту и опору в попечениях особенно расположенного к малороссиянам святого Юрия или, по нынешнему произношению, св. Георгия (по-народному “Юрко”)» [5; 297]. Характерно, что Степан Иванович Вишневский, весьма образованный человек, именно так и произносит: «Юрко», а также «Никола» или «Мыкола» [5; 299].

Конкретными проявлениями искренности и непосредственности в вере этого «причудника» [5; 285], «оригинала» [5; 314] и «самодура» [5; 281] являются его убежденность в том, что он «считал себя в полнейшем праве приводить всех... “в свою крещеную веру”...» [5; 284] и придуманный им «чин “приятія”» [5; 296] «инославных». Только тогда, когда «инославец» приходил этот «чинок для приятія», «религиозная совесть Вишневского» находила «для себя удовлетворения и примирения с собою» [5; 296]. Характерно, что после этого Вишневский становился вполне терпимым и «воссоединенного уже никогда более разнoverием не попрекали» [5; 297]. «Юмор и почтительность к родной вере» героя в полной мере проявились в эпизодах «игривых шуток его с немцем», отношении к «одному еврею, который в чем-то обманул Степана Ивановича» [5; 298].

В контексте нашей темы указания на «игривые шулки» Вишневского приобретают особый смысл: писатель подчеркивает «детскость» в этом взрослом и, как сказано, «крайне развращенном» [5; 290] человеке. Мотив детскости, подкрепленный также эпизодами, связанными с женой Степанидой Васильевной, которая была для героя как «мать» [5; 290], и рассказом об увлечении Вишневского голубями, лошадиным ржанием, выявляет в герое непосредственность, импульсивность, наивность и другие качества, которые заставляют рассматривать его как по-детски верующего человека. Его вера – это «детская» вера, наивная, искренняя, нерассуждающая, приобретающая – в значительной степени – характер игры.

Вишневский имел духовного отца священника Платона [5; 312], однако других свидетельств его воцерковленности предания не сохранили, да и почтительности к отцу Платону он не проявил [5; 312–314].

Лесков изобразил Вишневского человеком, которому было дано естественное боговедение, искренняя, хотя и причудливо преломленная вера в Бога, в загробную жизнь [5; 316–317]. Но религиозные нормы, христианские этические законы, наконец, заповеди Иисуса Христа не овладели ни его умом, ни его душой, которая была одолена страстями-болезнями: он «преужасный развратник» [5; 281]. Вместе с тем в его душе-«амбаре» [4; 300] самым неожиданным образом присутствуют, наряду с самодурством, развращенностью, «дикими поступками» [5; 314], уважительная любовь к жене, поклонение красоте, радушие, чуткость к прелести ночи, умиление при виде «целующихся голубей», восхищение грозой и лошадиным ржанием.

Вероятно, для писателя страстное расположение души человека (в соответствии с христианским учением о душе) есть во многом следствие натуры (природы, характера) человека, а также условий и обстоятельств его воспитания, нравов эпохи и т. д. Вместе с тем человек, одолеваемый страстями, может быть, как показал Лесков, искренне верующим.

Еще более сложные «взаимоотношения» между верой человека и нравственностью, между Богом и совестью человека показаны в рассказе «Интересные мужчины», в котором актуализируется и проблема соотношения истинной веры, религии и набожности (понимаемой в данном случае как склонность к обрядовости). Первая характеристика повествователем слуги Марко: «...человек добропорядочный и нам преданный. Очень смышленный был и набожный – все ходил к заутрене и на колокол в свой приход в деревню собирал» [5; 326]. Набожность Марко проявляется в сцене смерти юного Саши: «Из толпы к трупы протеснился коридорный Марко и, верный своему набожному настроению, сказал тихо:

– Господа, это нехорошо над отходящей душою плакать. Лучше молитесь, – и с этим он

раздвинул нас и поставил на стол глубокую тарелку с чистой водою.

– Это что? – спросили мы Марко.

– Вода, – отвечал он.

– Зачем она?

– Чтобы омылась и окунулась его душа.

И Марко поправил самоубийцу навзничь и стал заводить ему глазные веки...» [5; 344], и далее – в подготовке к похоронам [5; 350], в описании его отношения к произошедшему («Грех один только, грех, и ничего больше, как грех...», «Такое несчастье... срам, и позор, и гибель душе христианской!»), в деталях интерьера его каморки: «большой образник», «неугасимая лампада» [5; 361].

Несколько настораживающая читателя характеристика Марко появляется значительно позднее в повествовании (после сцены похорон Саши): «Это был неважный и несколько раз уже мною вскользь упомянутый коридорный наш Марко. Он был парень замысловатый...» [5; 361]. Повествователь, знающий финал истории, употребляет, однако, слово «неважный» как синоним слова «незначительный», семантика которого поддерживается словом «вскользь». Вместе с тем «вскользь» настораживает как скрытое указание на что-то скользкое, извивающееся, липкое и т. д. А слово-характеристика «замысловатый» и сообщенное далее интригующее заявление Марко о том, что поляк Август Матвеевич историю с кражей денег придумал неспроста, чтобы обесславить русских офицеров, создают вокруг этого эпизодического персонажа ореол тайны (загадки).

В сцене разоблачения Марко, укравшего билеты (деньги) и ставшего причиной самоубийства Саши, важны детали. Например, сообщение: «Марко был в своей каморке, – верно, молился перед неугасимой...» [5; 366] включает в себя долю иронии по отношению к набожности героя, достигаемой впечатлением несоответствия между поступком героя и его набожностью за счет усечения в используемом ранее словосочетании «неугасимая лампада».

Совершивший преступление, Марко вполне понимает, что он принял на душу грех, но, как ребенок, который не осознает последствий своего поступка, стремится загладить его лаской или преувеличенным вниманием: «А потом, чтобы загладить свой грех перед Богом, – он к одному прежде заказанному колоколу еще целый звон “на подбор” заказал и заплатил краденым билетом» [5; 367]. Заметим, что остальные украденные билеты он хранил в «ящике под киотом» [5; 367].

Несомненно, что, изображая коридорного Марко, писатель показал искренне верующего человека. Его вера – немотивированная и иррациональная убежденность в истинности Бога, которая находит выражение во внешних обрядовых действиях прежде всего. Однако очевидно, что вера не укрепила Марко, при всей его набожности, в истинности заповедей Христа, в необходимости следовать им в жизни.

Есть такое выражение – «темная вера», то есть непросвещенная, замутненная, болезненная. Вера Марко именно такова. В этом эпизодический герой рассказа «Интересные мужчины» типологически родственен персонажу «Старинных психопатов» – Вишневскому. Оба изображены как люди в страстном состоянии души, но если Вишневский одолевает страстью-любовью, то болезненной страстью Марко стала (как это не парадоксально звучит) сама вера. Ради культа веры он крадет деньги, причем его не поколебали ни смерть Саши, ни горе родителей, ни скорбь и слезы окружающих, даже осознание своего греха (чтобы загладить грех, он заказал еще колокола). Верующий Марко не «укрепился в нравственной жизни». Лесков, однако, оставляет своему герою шанс «очистить сердце»: «Марко упал на колена, покаялся...» [5; 367]. Вслед за осознанием греха человек приходит к раскаянию (покаянию), что открывает ему путь к спасению.

Характерно, что именно в связи с образом Марко в рассказ вводятся понятия «наш простой... истинно русский ум» [5; 361], «простой, истинно русский человек» [5; 362], что дает основание сделать вывод о неоднозначном отношении Лескова к такой неискушенной и непросвещенной вере простолюдина и о его убежденности в том, что вера, как уже было сказано выше, очищается и укрепляется изучением священных текстов и научным познанием, а также соучастием человека в печальных и радостных событиях.

В рассказе «Интересные мужчины» событием, укрепившим людей в вере, очистившим их души, стала смерть (самоубийство) Саши. Именно в этом видит смысл свершившегося автор-повествователь, для которого, как это явствует из текста, судьба Саши стала важнейшим шагом на пути укрепления в вере: «...но, к счастью рода человеческого, ему доступны бывают и великие душевные откровения, когда люди как бы осязают невидимую правду и, ничем не сдерживаемые, стихийно стремятся почтить скорбью несчастье. Это своего рода священные бури, ниспосылаемые для того, чтобы разогнать сгустившийся удушливый туман, – в них есть “дыханье свыше”, в них есть откровенье, которому ясно все, что скрыто сплетеньем» [5; 353–354].

Похороны Саши стали своего рода демонстрацией простодушной веры горожан в Бога, в его милость и справедливость: «Как велик грех Саши-розына по богословской науке – в этом оплакивавшие его были не знатоки, но уж умоляли “принять его в блаженные селенья” так неотступно, что я, право, не знаю, как тут согласить этот душевный вопль с точными положениями оной науки... я бы в этом запутался...» [5; 356], «А ты вот все можешь, ты призвал, ты изменил зрак и положил “красоту”, как “неимущую вида” – так ты забудь, “прости” и “презри” все, чем он не оправдал себя перед тобою...» [5; 356], «Он ли, который сам создал ухо, чтобы

слышать, *он* ли задремлет, *он* ли уснет, *он* ли не сделает, что просит голос стольких растроганных душ...» [5; 357] (курсив автора. – Н. С.). Заметим, что Лесков разграничивает толкование греха самоубийства «богословской наукой» и отношение к этому трагическому событию неискушенных в теологических знаниях людей. Прямые обращения к Богу, воспроизведенные рассказчиком, демонстрируют ту таинственную связь между простыми смертными и Господом, на которую уповают верующие.

Эмоциональное состояние и искренность чувства верующих людей выявляются в произведении за счет: 1) экспрессивной и торжественно-приподнятой лексики героя-рассказчика, 2) нанизывания сценок, в которых проявляют свои чувства провожающие погибшего Сашу, 3) включения в текст «чужого» слова: фрагментов из поэмы А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» [5; 356–357], цитат из стихотворения А. С. Пушкина «Герой» [5; 355], библеизмов, цитат из Книги пророка Исаи [5; 356], цитаты из проповеди Иннокентия (Борисова) [5; 355], 4) включения в текст фрагмента развернутого эпизода, изображающего и характеризующего поведение «дамы родовитой» [5; 357], которая «не любила ничего своего, русского – ни языка, ни веры, ни обычая, а все презирала...» [5; 357], 5) включения эпизода преклонения перед матерью погибшего, изображенной также искренне верующей и уповающей на Бога [5; 356], 6) пейзажного штриха: «...самый воздух пропитало трепетом» [5; 354], соотносимого с «какой-то общей трясовицей сердец» [5; 355], и др.

Проявлением такой же искренней, при этом подкрепленной научным познанием и изучением богословия, веры стала сцена соборной молитвы на двух пароходах, плывущих по Ладоге к Валаамскому монастырю, изображенная в рассказе «Таинственные предвестия».

Впечатление искренности веры создается за счет изображения чувства единения с природой, в которой разлито блаженство, в которой присутствует Бог, сотворивший природу, как и человека. Природа, святая и прекрасная в своем совершенстве как творение Бога, духовно возвышает присутствующих на пароходе.

С самого начала эпизода автор передает ощущение единения, которое возникает между священнослужителями, плывущими на «митрополичьем пароходе», и артистами, плывущими на «частном пароходе»: отмечается «взаимная деликатность» «обеих сторон» [5; 388], когда «несходные по своему положению путники старались ничем не стеснять одни других...» [5; 388]. Хронотопический мотив пути, обозначенный в именовании «путники», синтезирует заявленные ранее мотивы паломничества, путешествия, прогулки, настраивает читателя на ожидание неожиданного, чудесного, ярких впечатлений. Импровизированная всенощная стала именно таким моментом в путешествии: «Те, кто помнят

описанное путешествие, никогда не говорили об этой минуте иначе, как с чувством живого восторга...» [5; 389].

В описании эмоциональной атмосферы, царившей во время плавания, сквозным словообразом становится слово «веселье»: «суда совершали свой ход так весело и благополучно», «замечались оживленные и веселые лица», «некоторые были даже очень веселы», «с веселыми пассажирами», «милых и веселых людей» [5; 387], «самые веселые и оживленные беседы», «веселье» [5; 388]. Впечатление об общем «легком расположении духа» [5; 388] складывается из указаний на эмоции, переживаемые участниками поездки: «приятное впечатление во всех соучастниках эскадры», «слышались звуки музыки, смех разных голосов», «высокопреосвященный Никанор, чувствовавший себя тоже в прекрасном расположении... не обнаружил ни малейшего неудовольствия» [5; 387], «Никанор улыбнулся», «“Лицедеи” пели и шутили, но сдержанно» [5; 388].

Настроение природы соответствует настроению людей. В день отплытия погода «стояла прекрасная; солнце горело на небе, воздух был тих и тепел, невозмутимая гладь вод блистала как зеркало» [5; 387]. (Заметим, что образ зеркала и сопутствующий ему мотив отражения усиливают впечатление созвучности или взаимоотражения настроения природы и людей.) В приведенном пейзаже звучат эмоциональные ноты, которые получают развитие в сцене соборной молитвы как мотивы тишины, благоговения, восхищения, ликования.

Переход к вечернему времени суток не обозначен развернутым пейзажем: «Затем солнце стало склоняться к западу, пошло вечереть; с частного парохода порывами легкого ветерка доносилось отрывками стройное пение» [5; 388]. На «митрополичьем пароходе» «оживленные беседы» [5; 388] сменились задумчивостью, тишиной, мечтательностью путников и стихами А. С. Пушкина «К морю» (1824, Михайловское). В продолжение долгого (можно это предположить, зная объем стихотворения – 15 четверостиший) чтения Игнатия Брянчанинова «иноки» «подвижного монастыря его тихо слушали» [5; 389]. Опять же можно предположить, что пушкинское стихотворение с его мотивами стихии, свободы, судьбы, прощания, жизни и смерти, уединения, с его удивительным переживанием величия природы как сотворенной Богом оказалось созвучно настроению героев.

Характерно, что в текст рассказа автор вводит последнюю строфу из стихотворения: «В леса, в пустыни молчаливы // Перенесу, тобою полн, // Твои скалы, твои заливы, // И плеск (у Пушкина “блеск”. – Н. С.), и тень, и говор волн» [5; 388]. Думается, здесь возникает то ощущение величия и грандиозности мироздания, бесконечности и разумности мира, сотворенного Богом, которое будет доминировать в описании соборной молит-

вы. Немаловажно и то, что это восприятие мира явно присутствует в представлении о мире, которое есть у священнослужителей, сопереживающих лирическому чувству и эмоциональному состоянию поэта и его лирического героя. Это восприятие присутствует в их сознании, несмотря на многотрудную и уединенную монашескую жизнь: «В леса, в пустыни молчаливы // Перенесу, тобою полн...». Словосочетание «пустыни молчаливы» можно воспринять как аллюзию на монастырь или келью, отшельничество, пустынножительство.

Развивающийся в первой части пушкинского стихотворения мотив тишины созвучен мотиву тишины, сквозному и преобладающему при описании данной ситуации чтения и слушания, при описании природы; именование пушкинским лирическим героем себя «тихим и туманным» (3-я строфа) вполне может быть перенесено на героев, слушающих чтение Игнатия Брянчанинова, и соотносится с вечерним пейзажем: «Вечер густел. На беловатом летнем северном небе встала бледная луна; вдалеке слева, на финляндском берегу, заяц затопил листвою печку, и туман, как дымок, слегка пополз по гладкому озеру, а вправо, далеко-далеко, начал чуть зримо обозначаться над водой Коневец» [5; 389]. На острове Коневец расположены Коневский скит с деревянным храмом, Коневский Рождественский монастырь, часовня.

Эмоции и чувства священнослужителей, описанные в этом фрагменте, характеризуют их как глубоко и искренне верующих людей. По словам Василия Великого, «прилежно рассматривая творение мира, познаем, что Бог премудр, всемогущ, благ, познаем также и все Его свойства. Таким образом, Его как Верховного Правителя приемлем. Поелику всего мира Творец есть Бог, а мы составляем часть мира: следовательно, Бог есть Творец и наш. За сим познанием следует вера, а за верою поклонение» (цит. по кн.: [1; 579]). Подтверждением этому служит тот факт, что Игнатий Брянчанинов, читавший стихотворение Пушкина, начал «всенощную» с благословения: «...громко, вслух благословил царство вездесущего Бога под открытым куполом Его нерукотворного храма...» [5; 389].

Наиболее полно вера людей в Бога выразилась в сцене импровизированной всенощной.

Прежде всего обратим внимание на то, что Игнатий Брянчанинов, совершающий ее, облачился в «эпитрахиль» [5; 389]. Эпитрахиль в православной церкви – одеяние священника, символизирующее благодать, дающую ему право быть служителем и совершителем таинств Церкви и всего дела священства. Без эпитрахили священник не может совершать ни одной службы. Таким образом, совершаемая на пароходе служба приобретает статус действительной: это отнюдь не игра и не забава. Имеет значение в этом плане символика звукового образа колокольного звона: «К концу их молений пароход был завиден с Ко-

невца, и по волнам озера поплыл навстречу путникам приветный звон...» [5; 389] Можно предположить, что это был торжественный звон не только в связи с вечерним богослужением, но и в честь прибытия на остров митрополита, следовательно, включал благовест, перезвон и трезвон. Благовест (ритмичные удары в один большой колокол) возвещает благую весть о богослужении, перезвон (удары поочередно в каждый колокол) и трезвон (удары во все колокола) символизируют христианскую радость и торжество. Отсюда – и в прямом, и в переносном смысле звон, который слышат на пароходах, – «приветный». Символика колокольного звона объемна (см. [2; 46 и др.]), вместе с тем она в полной мере соответствует семантике анализируемого эпизода: это и словословие имени Божия, и соби́рание верующих, очищение и освящение, главное же – укрепление в благочестии и вере.

Писатель изобразил верующих людей в «неформальной» обстановке: «отпетая без книг вечерня» совершена без соблюдения необходимых канонов, именно поэтому она воспринимается проявлением порыва души верующих людей. Лесков усиливает это значение «всенощной» противопоставлением: «...певчих... не позвали. Они бы, выстроившись с регентом, не так тепло воспели “славу в вышних Богу”, как спели ее втроем “китаец”, Виктор и Брянчанинов...» [5; 389]. Еще более «вольной» видится молитва «лицедеев»: «...стояли у борта и... тоже молились...» [5; 389]. Кроме того, искренность веры участвующих в молитве выявляется через мотив плача (слез), символизирующего восхождение молящегося к Богу, соби́рание человека в соединении ума и сердца, души и тела. Как известно, слезы на молитве – признак Божией милости. Человеку открывается зрение своих согрешений, потом является ощущение присутствия Божия, ясное понимание смерти, страх суда и осуждения. Все эти плоды молитвы сопровождаются плачем, потом приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним, терпение скорбей. Человек начинает ощущать духовное утешение: «... некоторые плакали... О чем и для чего? – ведает *Тот*, *Кому* угодно было, чтобы “благоухала эфирною душою роза” и чтобы душа находила порою отраду и счастье омыться слезою» [5; 389].

Вместе с тем «неформальной» «вечерне» автор придает своего рода церковный характер. Службу на пароходе совершают священнослужители, наделенные через Таинство священства Божественной благодатью, благодатью Святого Духа: они призваны учить истинам Христовой веры, руководить верующими, совершать церковные таинства и др. Игнатий Брянчанинов облачается в «эпитрахиль», как уже было отмечено. Служба завершается под «приветный» звон церковных колоколов.

Образ храма организует художественное пространство в данном эпизоде. Место проведе-

ния всенощной названо «нерукотворным храмом» [5; 389], что вполне соответствует представлению верующего христианина о том, что вся вселенная является храмом Божиим, и в этот мирообъемлющий храм должно войти все человечество, ангелы, низшая тварь (ср. «К морю»).

В описании пространства присутствуют символические образы и мотивы, соотносимые с храмовой (церковной) символикой. Купол над храмом – символ свода небесного, который покрывает землю, материализуется в образе «открытого купола» [5; 389], очерченного движением солнца и луны. (Заметим, что один из традиционных образов – образ Церкви-Жены, облеченной в солнце, под ногами которой луна.) Устремленность к небу, выраженная в православном храме в форме куполов, увенчанных крестами, «жаром горящими», в рассказе Лескова реализуется в прямом высказывании: «...это был благоговейный порыв высоко настроивших себя душ» [5; 389] и в описании природы. Известно, что символично количество куполов на церкви. Крест присутствует как предполагаемое движение рукой благославляющего Игнатия Брянчанинова и молящихся на пароходе, кроме того, читатель может вообразить кресты на церкви, часовне, расположенных на приближающемся острове Коневец. В православном храме один купол (а в воображаемом храме, в котором совершается служба, – один купол) символизирует единство Бога и совершенство Его творения. Пространство воспринимается как округлое (свод небес, движение солнца, озеро), что также может быть исполнено символического смысла: круг является символом вечности, не имеющей ни начала, ни конца.

Всенощную на пароходе совершают четыре священника: митрополит Никанор, Игнатий Брянчанинов, отец Аввакум, протоиерей Виктор. Возможно, верующий и воцерковленный читатель воспримет это тоже как символ: в средней части православного храма имеются четыре столпа (как правило), символизирующие четыре стороны света (кстати, в тексте упоминается запад), четырех евангелистов. В центральном куполе храма, ниже монументального изображения Христа Вседержителя (Пантократора) изображаются четыре архангела – посредники между Богом и человеком.

Наконец, символично то, что служба совершается на пароходе. Православный храм – это спасительный ковчег для верующих. Церковь, как ковчег Ноя, словно корабль, спасает верующих от грехов в житейском море. Кстати, заметим, что храм повелевалось создавать наподобие корабля, продолговато устроенным, обращенным на восток (см. [2; 66 и др.]). В рассказе образ-символ храма-корабля материализован в образах двух пароходов, как бы повторяющих деление храма на алтарь («митрополичий пароход», где пребывает духовенство; алтарь символизирует область бытия Божия, Царство небесное) и собственно храм (место, ко-

торое занимают миряне; в рассказе это пароход, на котором путешествуют артисты).

Учитывая неоднозначное отношение Лескова к официальной церкви, все-таки, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что он не мыслит жизнь верующего человека вне церкви, ведь, как писал в одном из писем П. Чаадаев, лучшее средство сохранить религиозное чувство – это придерживаться обычаев, предписываемых церковью.

Христианская и церковная символика убеждает в том, что писатель видит в вере ту силу, которая объединяет людей (мотив единения – сквозной в описании всенощной), поэтому совершенную молитву можно назвать соборной молитвой.

Продемонстрированная в данной ситуации верующими искренность и чистота веры «провоцируют» явление «чуда», которое совершают артисты на Валааме («дивное событие о сеножатах»). Они вызывают реакцию митрополита Никанора на сообщение о нем [5; 392], а также рассказ актера Мартынова, раскрывшего тайну «чуда» [5; 394–395].

В целом описание «всенощной» противопоставлено рассказу о членах «религиозного братства» А. Н. Муравьева: искренность и задушевность участников молитвы на пароходе контрастна светской набожности «братьев». Сквозными в описании «религиозного братства», поступков и поведения А. Н. Муравьева и его последователей являются мотивы суетности, «светского благочестия», тщеславия.

Повеествование о «светских всенощных» Муравьева, описание его «митрополичьих покоев» [5; 375], поведения, одежды, взаимоотношений с духовенством и окружающими, образа жизни и стиля общения вводят в рассказ тему, актуальную для Лескова в этот период творчества, – высший свет и вера. Лесков остается верен себе, публицисту, изображая представителей высшей знати «ханжливыми», неискренними, суетно гордящимися своей близостью к высшим церковным иерархам.

Своеобразно высвечивается вопрос о вере постановкой вопроса о вере в чудесные явления, предзнаменования, предсказания и др. Рассказ начинается с указания на них: «При толках о возможности близкой войны недавно, как встарь, говорили о разных необыкновенных явлениях...» [5; 369]. Автор акцентирует внимание читателя на подобном явлении, рекомендуя повеествование «современника» Крымской войны под названием «Событие о сеножатах»: «Дело касается загадочного происшествия...» [5; 370]. Как известно, «дивное событие» [5; 392] получило разъяснение, и «Андрей Николаевич очень эффектно разрушил это предсказание» [5; 395], – подчеркивает автор, владеющий, в отличие от писавшего свои записки современника, исторической ситуацией и знающий, что предсказание сбылось: «Но не прошло и полгода...» [5; 395]. Оказались правы те, кто поверил в предсказание, поверил по-детски, наивно, простоудно, не

проверяя информацию, не сомневаясь в ее истинности. Это, конечно, не означает того, что Лесков проявляет себя как автор суеверным человеком или мистиком. В данном случае это еще одно подтверждение того, что писатель разграничивает естественную веру простолюдина и «толкователей» из высшего света. Но главное, как нам кажется, заключается в том, что вера для писателя – это тоже чудо и тайна, разгадать которую не всегда можно.

По словам Н. А. Бердяева, «мир упирается в тайну, и в ней рациональное мышление кончается». Словно опережая это высказывание философа, Лесков создает рассказ «Александрит». В подзаголовке рассказа «Натуральный факт в мистическом освещении» факт (рациональное) и мистика (иррациональное) не столько противопоставляются, сколько сближаются. Для верующего и мистически настроенного человека за любым фактом или явлением может скрываться тайна.

Рассказ основан на столкновении двух типов мировосприятия: с одной стороны, старый ювелир Венцель, прозревающий мир как тайну, с другой – автор-повествователь с его реальным знанием, убежденный в том, что все можно объяснить и понять. Рассказанная история – это опровержение рациональной возможности объяснить все в мире. Вместе с тем это и рассказ о человеке, наделенном такой сильной верой в таинственность мира, что он способен воздействовать на мысли и чувства другого человека, способен внушить ему свой взгляд на мир, помочь ему открыть (увидеть) тайну (пророчество) там, где раньше повествователь ее не видел.

В какой-то степени рассказы Лескова «Таинственные предвестия» и «Александрит» – своего рода реакция писателя, «уставшего» от рационализма современников, забывших о том, что вера является немотивированной и иррациональной убежденностью человека в чем-либо. Думается, что Лесков вполне согласился бы со словами митрополита Вениамина (Федченкова): «Нас воспитывали в идолопоклонстве уму, – чем страдало и все наше интеллигентное общество 19 в., особенно же с 60-х годов. И этот яд разлагал веру, унижал ее, как якобы темную область “чувства”, а не разума. И постепенно рационализм переходил у иных в прямое неверие, безбожие» [8; 35].

Изучение «Рассказов кстати» в предложенном аспекте вызывает естественное желание каким-то образом сгруппировать образы верующих людей. Систематизация персонажей на основе критерия веры предполагает выделение групп героев, которые условно можно назвать: 1) человек верующий, 2) человек сомневающийся, 3) человек неверующий. Конечно, данная классификация персонажей может усложняться. Например, человек сомневающийся может быть представлен как: а) человек на пути от безверия к вере и как б) человек на пути от веры к безверию. Введение дополнительных критериев также способно разветвить классификацию. Так, человек верующий может

быть увиден автором как: а) человек, верующий «естественно» и не нуждающийся в научном обосновании своей веры, б) человек, верующий и уже «осознанно» воспринимающий религию, в) человек разумно-религиозный (без «сердечной» веры). И так далее.

Однако Лесков воспринимал человека явлением многогранным: «...живой человек гораздо сложнее, и добро у него мешается со злом, его намерения часто не находятся в соответствии с его поступками, которые зависят и от обстоятельств, и от привычек, и от множества условий и причин» («Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки». 1878)⁶ [9; 63–64], потому что в жизни «великое близко соприкасается с суетным...» («Геральдический туман (Заметки о родовых прозвищах)». 1886) [3; 129]. Поэтому и герои «Рассказов кстати» лишь условно могут быть отнесены к тому или иному типу человека верующего. Заметим, что писатель не изображает героев вне религиозности: каждый из персонажей рассказов так или иначе представлен как религиозный человек, то есть в его отношении к православной (или иной) религии, причем это относится и к главным героям, и к второстепенным, и к эпизодическим.

Своеобразным фоном в цикле становится изображение людей, характеризующихся внешней (напускной) или «чрезмерной» набожностью. Это, прежде всего, герои рассказа «Совместители»: бывшая «жолі-мордочка» Марья Степановна, Иван Павлович (ее муж-карьерист), директор департамента, которые создают видимость собственной религиозности для достижения конкретных целей: карьера, обогащение за счет взяточничества, прикрытие неблагоприятных ситуаций. Для них посещение «своей министерской церкви» [5; 273] становится знаком избранности, карьерного роста, материального благополучия. В «Старинных психопатах» «судовые паньчи» [5; 304], обращаясь к тем, «кто в Бога віруе и старших поважае», мстят обидевшим их офицерам. Здесь же все «чужие», «всякий иностранец» [5; 297] – поляки, немцы, евреи – легко соглашаются почитать «святителей» «Николу-угодника» и «русского Юрка» [5; 296]. В рассказе «Таинственные предвестия» «чрезмерную» и суетно-светскую религиозность демонстрируют Андрей Николаевич Муравьев и предстатели его «религиозного братства» [5; 375].

Масса людей, показывает Лесков, живет как будто вне веры, вне церкви. Особенно явно это изображено в рассказе «Интересные мужчины»: времяпрепровождение «офицеров, кутил и... беспутников» [5; 323], как и офицеров в рассказе «Старинные психопаты», – «картеж и поклонение Бахусу, а также и богине радостей сердечных» [5; 319]. Это «охлаждение души и сердца ко всему нежному, высокому и серьезному» [5; 320] особенно заметно, ведь время действия в рассказе «Интересные мужчины» – «пятница на шестой неделе Великого поста», когда горожане,

«добрые христиане» «тянулись в церкви исповедаться» [5; 323], чтобы в их душах «водворились» «мир и безмятежность» [5; 324]. В «Таинственных предвестиях» писатель изображает артистов, плывущих на пароходе на Валаам, людьми, в сущности, далекими от религии. Однако нельзя не заметить, что во всех произведениях цикла описаны события, которые пробуждают и укрепляют в людях веру.

Изображая верующего человека, проявляя свое отношение и восприятие веры и религии, в

«Рассказах кстати» Лесков создает полное представление о земном человеке, о его греховности и идеальности, совершенстве и несовершенстве, о его возможностях и ограниченности. Но именно вера, которая, как уже было сказано, «касается всех сил души... приводит в движение ум, волю и чувство...» [10; Стлб. 585], определяет «все мысли и все действия человеческие» и, направляя их «на Бога и божественные предметы» [10; Стлб. 586], открывает человеку путь к спасению и духовному просветлению.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Добродетель – «естественно-приобретенная способность к нравственно-доброму поступанию» [10; Стлб. 748–749]. Христианская добродетель определяется «признаками смирения с надеждою» [10; Стлб. 749].
- ² Мы не касаемся в данном случае проблемы «Лесков и церковь», которая также требует еще детального изучения. Очевидно, однако, что писатель в 1880-х годах разграничивает: а) христианство и церковь («Вихляется он (Л. Толстой. – Н. С.) – несомненно, но точку он видит верную: христианство есть учение *жизненное*, а не отвлеченное, и испорчено оно тем, что его делали отвлеченностью. “Все религии хороши, пока их не испортили жрецы”. У нас византизм, а не христианство, и Толстой против этого бьется с достоинством, желая указать в евангелии не столько “путь к небу”, сколько “*смысл жизни*”. Есть места, где он даже соприкасается с идеями Бокля. Старое христианство просто, видимо, отжило и для “смысла жизни” уже ничего сделать не может. На церковность не для чего злиться, но хлопотать надо не о ней. Ее время прошло и никогда более не возвратится, между тем как цели христианские *вечны*» ([3; 287], письмо А. С. Суворину 9 октября 1883 года), б) христианство и православие («...Вы даже не вникаете в сущность веры, а защищаете православие, которого не содержите и которого умный и искренний человек содержать не может. Я не хитрю: я почитаю христианство как учение и знаю, что в нем спасение жизни, – а все остальное мне не нужно» ([4; 340], письмо А. С. Суворину 11 марта 1887 года).
- ³ Тема «Лесков и Лев Толстой» все еще требует обстоятельного и скрупулезного изучения.
- ⁴ В словаре «Тысяча состояний души» религиозность отождествляется с благочестием и набожностью: «Благочестие (от честь “почитание”) – набожность, религиозность» [6; 48], «Набожность – почитание индивидом Бога, богобоязненность» [6; 195].
- ⁵ Рассказы цикла цитирую по изданию [5], указывая страницу.
- ⁶ Статья была опубликована в журнале «Церковно-общественный вестник». № 34. С. 2–4.
- ⁷ См. об этом: Розанова С. А. Лесков и семья Толстого [7; 353].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библейская энциклопедия. М.: Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1990. 902 с.
2. Колесникова В. С. Православный храм. Символика и традиции. М.: Олма-Пресс, 2006. 540 с.
3. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М.: Худ. лит.-ра, 1958. Т. 11. 862 с.
4. Лесков Н. С. Монашеские острова на Ладожском озере // Лесков Н. С. Очерки и рассказы. Петрозаводск: Карелия, 1988. 384 с.
5. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М.: Правда, 1989. 464 с.
6. Летягова Т. В., Романова Н. Н., Филиппов А. В. Тысяча состояний души: Краткий психолого-филологический словарь. 2-е изд, испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 424 с.
7. Литературное наследство. Т. 101. В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН: Наследство, 2000. Т. 2. Неизданный Лесков. Кн. 2. 574 с.
8. Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. СПб.: Нева – Ладога – Онега; М.: Русло, 1992. 224 с.
9. Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 286 с.
10. Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1913. 1120 стлб.
11. Терехова Е. А. Произведения Н. С. Лескова для детей и проблема детского чтения в публицистике и критике писателя: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 198 с.
12. Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 863 с.; Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 671 с.